

Научная статья

УДК 338.2

<https://doi.org/10.36511/2588-0071-2022-3-64-72>

Ненаблюдаемая экономика как барьер социально-экономического развития региона

Мячин Николай Валерьевич¹, Шкварок Владимир Михайлович²

^{1,2}Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

¹nmyachin@mail.ru

²vshkvarok@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается структура ненаблюдаемой экономики в разрезе системы национальных счетов. Делается вывод о тождественности понятий ненаблюдаемой и теневой экономики и определяется ведущая роль преступности в формировании теневое сектора. На примере Санкт-Петербурга исследуется взаимосвязь роста криминализации и снижения уровня жизни населения. Отдельное внимание уделено экономическим стимулам, которые определяют поведение «рационального» индивида при выборе сферы занятости и могут создавать препятствия на пути к достижению стратегических целей развития региона.

Ключевые слова: экономика региона, стратегия, уровень жизни, ненаблюдаемая экономика, теневая экономика, преступность, криминализация

Для цитирования

Мячин Н. В., Шкварок В. М. Ненаблюдаемая экономика как барьер социально-экономического развития региона // На страже экономики. 2022. № 3 (22). С. 64—72. <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2022-3-64-72>.

Original article

Unobserved economy as a barrier to socio-economic development of the region

Nikolay V. Miachin¹, Vladimir M. Shkvarok²

^{1,2}Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation

¹nmyachin@mail.ru

²vshkvarok@mail.ru

Abstract

The paper considers the structure of non-observed economy in the context of the system of national accounts. The conclusion about the identity of the concepts of non-observed and shadow economy is made and the leading role of crime in the formation of the shadow sector is determined. On the example of St. Petersburg the relationship between the growth of

criminalization and the decline in living standards of the population is investigated. Particular attention is paid to economic incentives that determine the behavior of a “rational” individual in the choice of employment and can create obstacles to the achievement of strategic objectives of regional development.

Keywords: regional economy, strategy, standard of living, unobserved economy, shadow economy, crime, criminalization

For citation

Miachin N. V., Shkvarok V. M. Unobserved economy as a barrier to socio-economic development of the region. *The Economy under Guard*, 2022, no. 3 (22), pp. 64—72. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2588-0071-2022-3-64-72>.

Региональное стратегическое планирование сегодня является одним из основных инструментов реализации общественного запроса на обеспечение устойчивого экономического роста и, как следствие, повышение уровня жизни населения. Фактически именно так звучит генеральная цель актуальной ныне Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года (далее — Стратегия) [1]. Обеспечение высокого уровня качества жизни представляет собой основной результат, на который направлена деятельность регионального правительства, так как этот показатель является отражением всех экономических процессов — от конкурентоспособности местных производителей до состояния городской среды [2]. Для экономистов управленческие решения, воплощенные в виде подобных официальных стратегических документов, представляют особый интерес с позиции перспективных направлений научных исследований, так как последние будут отвечать на конкретные вопросы, которые интересуют власть и общество. В настоящей статье авторы несколько уходят от традиционного анализа основных направлений региональной стратегической политики и стараются сфокусироваться на ненаблюдаемой стороне хозяйственной жизни. Иными словами, цель данного исследования состоит в попытке определить место и роль ненаблюдаемой экономики в социально-экономическом развитии региона на примере Санкт-Петербурга.

Сложность решаемой задачи состоит в неопределенности понятийного аппарата. Согласно системе национальных счетов (далее — СНС) ненаблюдаемая экономика представляет собой совокупность следующих видов деятельности, которые по той или иной причине не охватываются регулярными статистическими обследованиями: теневых, незаконных, существующих в неформальном секторе, осуществляемых домашними хозяйствами для их собственного конечного использования [3]. Кратко раскроем их содержание. Теневая деятельность характеризуется как законная, но намеренно скрываемая от органов государственной власти в целях уклонения от уплаты налогов или следования законодательным нормам; незаконная включает в себя создание товаров и услуг, которые запрещены законом, или которые являются незаконными, если они осуществляются производителями без получения соответствующего разрешения; неформальный сектор представлен деятельностью незарегистрированных домашних хозяйств, которые имеют какое-либо рыночное производство. Наконец, деятельность до-

машних хозяйств включает потребление или капитализацию произведенных ими же товаров и услуг [4].

Исходя из перечисленного, к ненаблюдаемой экономике можно отнести все виды хозяйственной деятельности, осуществление которых сопряжено с нарушением закона, и результаты которой скрыты от официального статистического учета. При такой трактовке возникает два вопроса. Первый связан с соотношением понятий теневой и ненаблюдаемой экономики. В научной среде большей популярностью пользуется термин «теневая экономика», в то время как СНС включает теневую экономику в состав ненаблюдаемой (рис. 1).

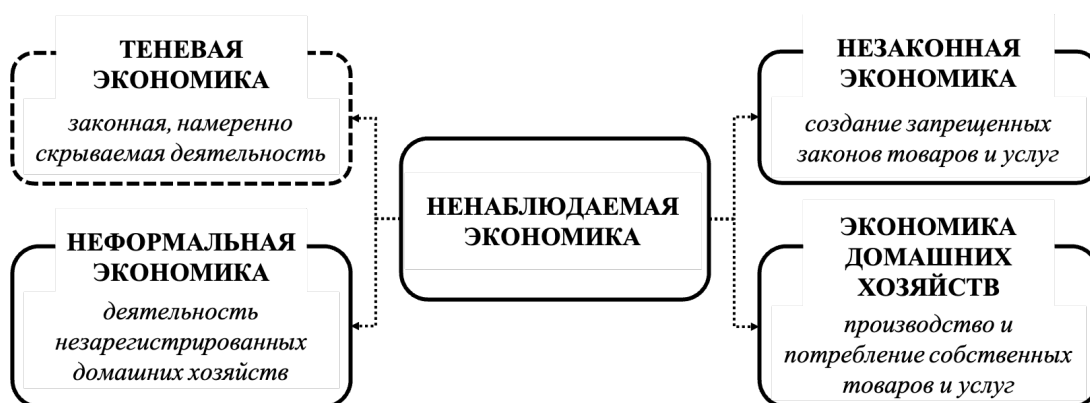

Рис. 1. Структура ненаблюдаемой экономики
Fig. 1. Structure of the unobserved economy

Анализ существующих подходов к определению теневой экономики [5—8] показывает, что по своему сущностному содержанию «официальное» понятие ненаблюдаемой экономики и закрепившееся в научной среде понятие теневой экономики идентичны, в связи с этим в рамках данной статьи считаем обоснованным отождествлять ненаблюдаемую экономику (в соответствии с СНС) с теневой экономикой (согласно устоявшимся научными подходами к ее пониманию).

Второй вопрос связан с определением места преступности в структуре ненаблюдаемой экономики. Актуальность этой проблемы подтверждается положениями Стратегии, согласно которой снижение уровня преступности и обеспечение общественной безопасности составляют важнейшую задачу обеспечения устойчивого социально-экономического развития региона. На первый взгляд преступность имеет крайне опосредованное отношение к экономике. Действительно, виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом, кажется, если и связано с хозяйственной сферой, то лишь в части незаконного производства товаров и услуг. Такое производство подразумевает создание как незаконных (изготовление наркотических средств, проституцию), так и законных благ без соответствующего права (осуществление предпринимательской деятельности без лицензии). Однако экономика включает не только производственные процессы, но и этапы распределения, обмена и потребления материальных благ. На каждом этапе экономического цикла могут возникать предпосылки к нарушению правовых норм, что проявляется в много-

образии регистрируемых видов экономических преступлений. Отсутствие согласия между учеными продиктовано уже обозначенной неопределенностью понятия теневой (ненаблюдаемой) экономики.

В. В. Лунеев выделяет два признака теневой экономики — деструктивность и противоправность, отмечая, что последний признак часто носит субъективный, формальный характер [9]. Эта противоправность возникает не только в ходе совершения деяний противоречащим нормам права, но и в результате недостаточного государственного контроля над совершением законных действий. Иными словами, по мнению автора, к теневой экономике можно отнести как изначально законную, так и преступную экономическую деятельность (производство незаконных товаров и услуг). По мнению О. Ю. Красильникова, теневая экономика включает три сектора: социально опасные (околокриминальные) деяния, оппортунизм и социально неопасные деяния [10], что фактически соответствует классификации видов незаконной экономической деятельности, которая содержится в СНС. Здесь мы сталкиваемся с очередным аргументом в пользу тождественности ненаблюдаемой и теневой экономики. Таким образом, противоправность составляет основу ненаблюдаемой экономики, и, хотя не все правонарушения являются преступлениями, именно нарушения уголовного закона представляют наибольшую общественную опасность, а значит, должны рассматриваться в первую очередь при исследовании скрытых от официального учета действий экономических агентов.

Наконец, почему теневая экономика и сопутствующие ей преступления, по нашему мнению, играют значимую роль в оценке и планировании экономической деятельности. Классический аргумент, который необходимо привести, связан с масштабами теневой (ненаблюдаемой) экономики. Оценки официальной отечественной и зарубежной статистики [11] свидетельствуют о том, что как минимум пятая часть процессов производства и потребления материальных благ скрыта от официального учета. Более того, считаем, что ядро такой ненаблюдаемой экономики составляет именно экономическая преступность, то есть такое создание товаров и оказание услуг, которое нарушает правовые нормы. В подтверждение этого тезиса приведем данные Всероссийского виктимизационного опроса [12], которые свидетельствуют о том, что примерно три четверти преступлений в России остаются невидимыми по разным причинам. Учитывая тот факт, что экономическую преступность традиционно относят к наиболее латентному виду криминальной активности [13], можно предположить, что подавляющее количество случаев незаконного производства, распределения и потребления материальных благ находится в теневом секторе.

Согласно Стратегии, степень удовлетворенности жителей Санкт-Петербурга уровнем личной безопасности составила 88,2 %, что можно объяснить динамикой уровня преступности (см. рис. 2).

Действительно, за последние 15 лет уровень региональной преступности значительно снизился, однако надо правильно трактовать возможные причины такого снижения. Несомненно, свое влияние оказывают такие факторы, как повышение уровня жизни, создание благоприятной городской среды и усилия правоохранительных органов. Некоторые из этих факторов, правда, могут действовать одновременно в разных направлениях, например, развитие технологий,

которое позволяет использовать новые способы оперативной деятельности по поимке преступников и повысить уровень эффективности работы полиции, одновременно способствует росту случаев мошенничества с банковскими картами. Все больше людей пользуется электронными средствами платежа, что рождает увеличение уровня преступности в этой области. Это достаточно распространенный подход к объяснению экономических стимулов незаконной деятельности [15, с. 25]. Возникновение таких стимулов в масштабе региона связано с понижением реального уровня зарплат и падением покупательной способности денег, снижением привлекательности законной деятельности в целом. Данные процессы происходят в последние годы в Санкт-Петербурге, несмотря на снижение уровня бедности, который можно оценивать как долю населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума [16].

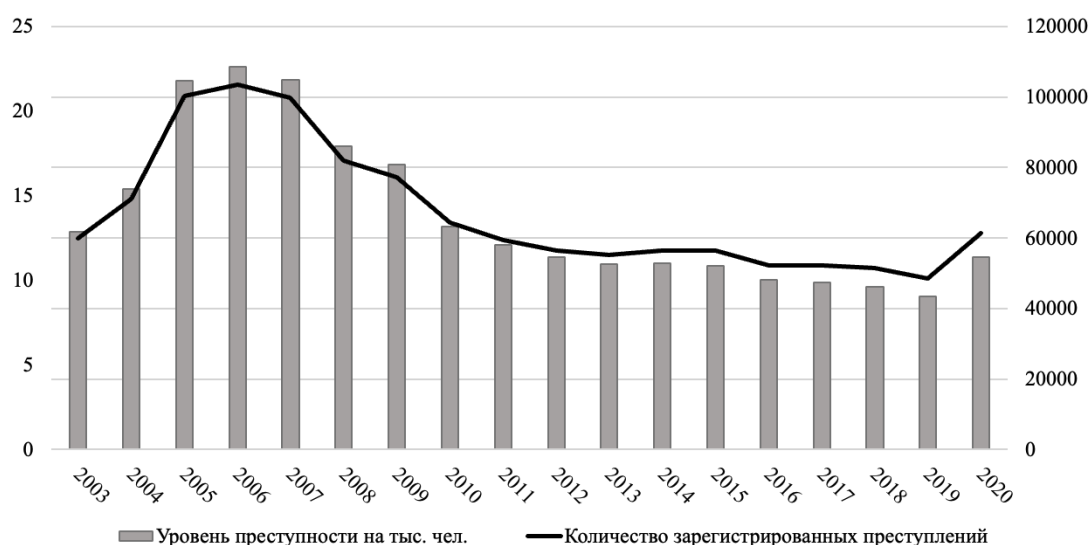

Рис. 2. Динамика преступности в Санкт-Петербурге [14]
Fig. 2. Crime dynamics in St. Petersburg

Для отдельного гражданина привлекательность законной деятельности в таких условиях достаточно резко снижается, потому что падение его реальных доходов сопряжено со снижением платежеспособного спроса и сокращением объемов потребления. В таких условиях хозяйствующие субъекты сталкиваются с необходимостью снижать издержки за счет сокращения рабочих мест, что повышает уровень конкуренции на рынке труда. Индивид, неспособный обеспечить желанный уровень потребления, теперь сталкивается и с понижением оплаты труда, которое почти неотвратимо следует за ростом безработицы. Закручивание данной спирали приводит не только к локальным, ситуативным случаям совершения имущественных преступлений, таких как кражи, но и к более серьезным последствиям.

Данные рисунка 3 подтверждают сразу несколько озвученных ранее аргументов. Во-первых, хорошо видно, что уровень мошенничества устойчиво растет с 2015 года и особенно сильно увеличивается в 2020 году. Значимую долю в этих преступлениях составляет мошенничество с использованием банковских карт.

На наш взгляд, такая динамика объясняется двумя основными факторами: распространением электронных средств платежа среди широких слоев населения и снижением реальных доходов граждан. Увеличение круга потенциальных жертв и низкая вероятность быть пойманным делают этот вид преступлений особенно привлекательным для «рационального» индивида, а устойчивое снижение реального уровня оплаты труда становится дополнительным стимулом для занятия деятельностью подобного рода. Во-вторых, отчетливо видны два периода, в которые растет не только количество зарегистрированных случаев мошенничества, но и краж, и грабежей (в силу схожести сути преступлений статистика грабежей фактически повторяет статистику краж, но в меньшем масштабе). Эти периоды всплеска преступной активности следуют в точности после экономических потрясений, с которыми столкнулась наша страна. Санкционное давление и девальвация отечественной валюты в 2014 году сильно ударили по покупательной способности населения, а пандемия 2019 года привела к сокращению рабочих мест, что в итоге оказалось сопряжено с повышением криминальной активности практически во всех регионах.

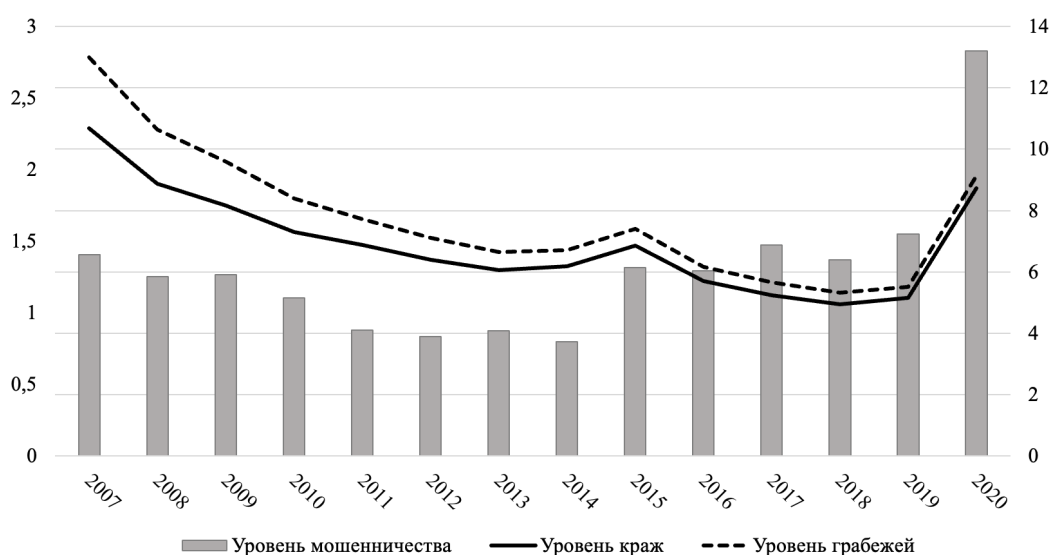

Рис. 3. Динамика уровня имущественных преступлений в Северо-Западном федеральном округе, на тысячу человек¹ [14]

Fig. 3. Dynamics of the level of property crimes in the North-Western Federal District, per thousand people

Здесь необходимо оговорить качество данных официальной криминальной статистики, которой мы оперируем в рамках статьи. Обозначенная выше проблема высокой латентности преступности, в особенности, экономической, несколько подрывает доверие к объективности официальных данных, ведь речь идет не о фактически совершенных преступлениях, а лишь о зарегистрированных, тем не менее именно высокая латентность экономической преступности определяет содержание ненаблюдаемой (теневой) экономики и подтверждает ее значимое влияние на процесс социально-экономического развития региона.

¹ Уровень краж отражен по правой оси, уровень мошенничества и грабежей — по левой оси

Как мы могли убедиться, смена профессиональной деятельности и перемещение безработных в ненаблюдаемый сектор экономики в результате низкой привлекательности законной деятельности становятся серьезным препятствием на пути реализации региональных социально-экономических целей. Как мы определили ранее, значительную долю этого сектора будут составлять общественно опасные виды деятельности. В конечном счете экономическая модель, в которой преступники являются производителями, а жертвы — потребителями, приобретает все более устойчивый характер. Расширение теневой сферы хозяйственной деятельности не только ведет к затруднениям в реализации стратегических задач властей в силу сокращения налоговых поступлений в региональный бюджет, но и носит долгосрочный негативный характер. Рост преступности сказывается на инвестиционной привлекательности региона, способствует снижению человеческого капитала и оттоку населения. Конечно, незначительный рост уровня преступности в 2020 году не является серьезным доказательством описанной выше теории, однако взаимное изменение показателей криминализации и уровня жизни населения налицо.

Таким образом, значительная доля ненаблюдаемой экономики — результат наличия неэффективной системы стимулов, которая складывается в отдельно взятой системе хозяйствования. Дисбаланс механизмов распределения ограниченных благ и низкая прозрачность общественных и государственных институтов приводят к теневизации производственных отношений, которая проявляется в двух направлениях: стремлении участников хозяйственной системы скрыть от официального наблюдения отдельные аспекты своей экономической деятельности, с одной стороны, и усилении стимулов получения благ незаконным путем (кражи, мошенничество и пр.), с другой. На наш взгляд, данные процессы являются основным препятствием на пути к реализации долгосрочных целей социально-экономического развития региона и требуют не локальных мер воздействия, но институциональных преобразований.

Список источников

1. О Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года: закон Санкт-Петербурга от 19 декабря 2018 года № 771-164. URL: <https://docs.cntd.ru/document/551979680> (дата обращения: 10.04.2022).
2. Окрепилов В. В. Опыт создания стратегических документов развития экономики Санкт-Петербурга, направленных на повышение качества жизни // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2021. № 1 (64). С. 4—13.
3. Мячин Н. В. Структура ненаблюдаемой экономики в системе национальных счетов // Экономическая безопасность: проблемы, перспективы, тенденции развития: материалы VI Международной научно-практической конференции, Пермь, 19 февраля 2020 года. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2020. С. 294—298.
4. Система национальных счетов 2008, п. 6.39. URL: <http://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/> (дата обращения: 10.04.2022).
5. Колесников В. В. Экономическая преступность и рыночные реформы: политико-экономические аспекты: монография. Санкт-Петербург: СПбУЭФ, 1994. 173 с.
6. Бокун Н. Ч. Теневая экономика: понятие, классификация, информационное обеспечение // Вопросы статистики. 1997. № 7. С. 3—10.

7. Гуров М. П. Теневая экономика и экономические преступления в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 4. С. 300—308.
8. Привалов К. В. Теневая экономика: теоретико-правовой анализ: учебное пособие. СПб.: Политехнический университет, 2012. 160 с.
9. Лунеев В. В. Преступность и теневая экономика // Экономическая наука современной России. 2005. № 1. С. 72—82.
10. Красильников О. Ю. Институциональное трансформирование теневой экономики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2016. № 3 (16). С. 251—257.
11. Грачев А. В. Анализ масштабов теневой экономики России по данным отечественных и зарубежных источников // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1 (63). С. 144—150.
12. Кнорре А., Титаев К. Преступность и виктимизация в России. Результаты всероссийского виктимизационного опроса. СПб.: Институт проблем правоприменения. 2018. 36 с.
13. Иванов П. И., Шегабудинов Р. Ш. Экономическая и коррупционная преступность и ее латентность как объект криминологического изучения // Вестник экономической безопасности. 2017. № 3. С. 111—120.
14. Состояние преступности. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 08.05.2022).
15. Латов Ю. В. Экономика вне закона: очерки по теории и истории теневой экономики. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. 284 с.
16. Уровень жизни населения Санкт-Петербурга в 2020 году. Аналитическая справка Комитет по информатизации и связи. URL: https://www.gov.spb.ru/static/writable/documents/2020/12/29/АС_Уровень_жизни_населения_Санкт-Петербурга_в_январе-июне_2020_года.pdf (дата обращения: 16.05.2022).

References

1. On the Strategy of socio-economic development of St. Petersburg for the period up to 2035: law of St. Petersburg no. 771-164 of December 19, 2018. URL: <https://docs.cntd.ru/document/551979680> (accessed 10.04.2022). (In Russ.)
2. Okrepilov V. V. Experience in creating strategic documents for the development of the economy of St. Petersburg aimed at improving the quality of life. *The economy of the North-West: problems and prospects of development*, 2021, no. 1 (64), pp. 4—13. (In Russ.)
3. Myachin N. V. The structure of the unobservable economy in the system of national accounts. Economic security: Problems, prospects, development trends: Materials of the VI International Scientific and Practical Conference, Perm, February 19, 2020. Perm: Perm State National Research University, 2020. Pp. 294—298. (In Russ.)
4. System of National Accounts 2008, item 6.39. URL: <http://unstats.un.org/unsd/nationalaccount> (accessed 10.04.2022). (In Russ.)
5. Kolesnikov V. V. Economic crime and market reforms: political and economic aspects. Monograph. St. Petersburg: SPbUEF Publ., 1994. 173 p. (In Russ.)
6. Bokun N. Ch. Shadow economy: concept, classification, information support. *Questions of statistics*, 1997, no. 7, pp. 3—10. (In Russ.)
7. Gurov M. P. Shadow economy and economic crimes in modern Russia. *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2006, no. 4, pp. 300—308. (In Russ.)

8. Privalov K. V. Shadow economy: theoretical and legal analysis: textbook. St. Petersburg: Polytechnic University Publ., 2012. 160 p. (In Russ.)
9. Luneev V. V. Crime and the shadow economy. *Economic science of modern Russia*, 2005, no. 1, pp. 72—82. (In Russ.)
10. Krasilnikov O. Yu. Institutional transformation of the shadow economy. *Izvestiya Saratov University. A new series. Economics series. Management. The right*, 2016, no. 3 (16), pp. 251—257. (In Russ.)
11. Grachev A. V. Analysis of the scale of the shadow economy of Russia according to domestic and foreign sources. *Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 1 (63), pp. 144—150. (In Russ.)
12. Knorre A., Titaev K. Crime and victimization in Russia. The results of the All-Russian victimization survey. St. Petersburg: Institute of Law Enforcement Problems. 2018. 36 p. (In Russ.)
13. Ivanov P. I., Shegabudinov R. S. Economic and corruption crime and its latency as an object of criminological study. *Bulletin of Economic Security*, 2017, no. 3, pp. 111—120. (In Russ.)
14. The state of crime. URL: <https://мвд.пф/folder/101762> (accessed 08.05.2022). (In Russ.)
15. Latov Yu. V. Economics outside the law: Essays on the theory and history of the shadow economy. Moscow: Moscow Public Scientific Foundation, 2001. 284 p. (In Russ.)
16. The standard of living of the population of St. Petersburg in 2020. Analytical reference Committee on Informatization and Communications. URL: https://www.gov.spb.ru/static/writable/documents/2020/12/29/AC_Уровень_жизни_населения_Санкт-Петербурга_в_январе-июне_2020_года.pdf (accessed 16.05.2022). (In Russ.)

Информация об авторах | Information about the authors

Н. В. Мячин — кандидат экономических наук, доцент

N. V. Miachin — Candidate of Sciences (Economy), Associate Professor

В. М. Шкварок — кандидат экономических наук, доцент

V. M. Shkvarok — Candidate of Sciences (Economy), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 02.02.2022, одобрена после рецензирования 15.04.2022, принята к публикации 20.09.2022

The article was submitted 02.02.2022, approved after reviewing 15.04.2022, accepted for publication 20.09.2022.